Шишко

Чего хочет добиться пр-во законом 9 ноября

2 экз

ПАРТІЯ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ

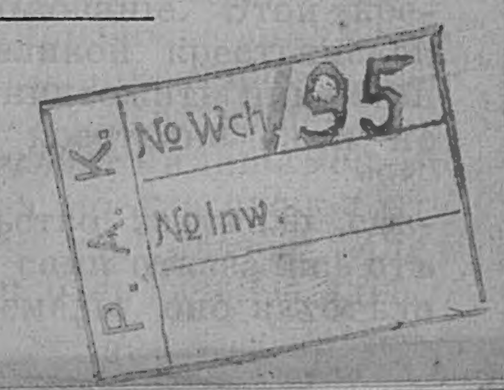
„ВЪ БОРЬБѢ ОБРѢТЕШЬ ТЫ ПРАВО СВОЕ!“

№ 3.

Л. Шишко.

Чего хочетъ добиться правительство закономъ 9 ноября.

Цѣна 5 коп.

1909.

К.

Чего хочетъ добиться правительство закономъ 9-го ноября.

Царское правительство задавило на время крестьянское движеніе, но только надолго-ли? Въ 1902 году поднялись три уѣзда въ двухъ губерніяхъ: Полтавской и Харьковской; въ 1905 году крестьяне поднялись противъ помѣщиковъ уже въ 120 уѣздахъ, въ 27 губерніяхъ. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, и опять заволнуется крестьянство, опять настанетъ смутное время. Правительство понимаетъ, что опасность надвигается на него все ближе и ближе; справиться съ нею одними штыками и пулями невозможно; сегодня перебьютъ однихъ, завтра явятся другіе. У всѣхъ трудовыхъ крестьянъ одна и та же забота—отобрать помѣщичьи и царскія земли и обратить ихъ въ общее народное пользованіе. Этой крестьянской заботы, этой великой крестьянской думы не искоренить и не уничтожить никакими насиліями и казнями, пока крестьяне сами не откажутся отъ нея.

И вотъ царское правительство задумало сдѣлать такъ, чтобы крестьяне сами отказались отъ помѣщичьихъ и царскихъ земель; оно захотѣло

внести смуту въ самыя крестьянскія понятія о земельномъ владѣніи, захотѣло сдѣлать крестьянъ приверженцами и защитниками частной собственности на землю.

Крестьяне говорятъ: земля ничья, земля божья; крестьяне признаютъ за каждымъ право пользоваться землей. На этомъ именно основано крестьянское общинное владѣніе. Въ крестьянской общинѣ каждый можетъ получить участокъ земли, но никто однако не получаетъ его въ свою полную собственность. Земля считается общественнымъ достояніемъ, которое никто не можетъ захватить въ однѣ свои руки. Вотъ почему крестьяне считаютъ себя въ правѣ требовать, чтобы и всѣ помѣщичьи земли были также переданы въ общее пользованіе всего трудового народа.

Еслибы крестьяне стали владѣть землею на правахъ частной собственности, тогда они должны были-бы признать это право и за помѣщиками; тогда они не могли-бы требовать отъ другихъ того, чего они не исполняютъ сами. Если крестьянинъ выдѣлился изъ общины по своему добровольному желанію, если онъ сдѣлался собственникомъ по своему внутреннему убѣжденію, то какъ онъ можетъ требовать, чтобы помѣщикъ отказался отъ своей собственности и передалъ-бы ее въ общественное пользованіе? Тогда, какъ онъ, такъ и помѣщикъ владѣютъ землею на однихъ и тѣхъ-же правахъ. У

одного 5, а у другого 5 тысячъ десятинъ, но они оба собственники, оба считаютъ свою собственность неприкосновенной. Вотъ почему помѣщики съ радостью встрѣчаютъ всякаго новаго собственника изъ крестьянъ. Кто добровольно, по своему убѣжденію, выдѣляется изъ общины, тотъ отказывается отъ общиннаго землевладѣнія, а кто отказывается отъ общиннаго землевладѣнія, тотъ отказывается отъ права требовать передачи всей земли въ общее народное достояніе.

И вотъ царское правительство бросило крестьянамъ эту приманку. Оно разрѣшило каждому желающему выдѣляться безъ согласія общества, причемъ всѣ выгоды предоставило тому, кто выдѣляется, хотя-бы для оставшихся была обида и великій разоръ. Приманка стала дѣйствовать; охотники нашлись; начались выдѣлы; потянулись за землей живущіе въ городахъ, давно отставшіе отъ земледѣлія; потянулись за своими надѣлами переселенцы; стали требовать выдѣла тѣ крестьяне, у которыхъ общественной земли оказалось сверхъ наличнаго числа душъ, чтобы укрѣпить въ собственность свой участокъ, какъ это разрѣшилъ имъ новый законъ. Одни пошли на выдѣлъ по принужденію земскаго начальника, другіе идутъ по примѣру прочихъ; повсюду въ деревняхъ началась теперь смута и неурядица.

Но что-же можетъ выйти изъ этого? Добьется-ли царское правительство того, чего оно хочетъ?

Достигнетъ-ли оно того, чтобы крестьяне забыли навсегда объ общинномъ владѣніи землей, чтобы они отказались отъ намѣренія отобрать землю у помѣщиковъ, и чтобы они всею своею душою привязались-бы къ частной собственности на землю?

Такъ было прежде во Франціи. Тамъ крестьяне съ давнихъ поръ уже всѣ сплошь частные собственники и многіе живутъ хуторами. И вотъ они въ теченіе долгаго времени были всей своей душой привязаны къ своей частной собственности. Они жили какъ-бы замурованные въ своихъ каменныхъ избахъ, среди своихъ полей, и ни о чемъ другомъ не думали, кромѣ своего хозяйства и своихъ барышей. Французскіе фабричные и заводскіе рабочіе, вмѣстѣ съ горожанами, много разъ поднимались противъ старыхъ правительствъ и даже свергали ихъ; но это ничему не помогало, потому что крестьяне выбирали въ государственную думу такихъ депутатовъ, которые снова возстановляли старый порядокъ. Французскіе крестьяне долгое время и слышать не хотѣли ни о какихъ перемѣнахъ, а больше всего боялись, чтобы не тронули ихъ частной собственности.

Но это происходило только потому, что французскіе крестьяне были въ то время еще довольно зажиточны. Они защищали свою частную собственность, потому что не видѣли при ней ни нужды, ни горя; ихъ земля доставляла имъ до-

вольство и радость — и вотъ они готовы были вцѣпиться въ горло всякому, кто хотя-бы только помыслилъ нарушить ихъ земельные порядки. И такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока крестьяне оставались зажиточными, пока продолжалось ихъ крестьянское благополучіе. Но это ихъ крестьянское благополучіе съ теченіемъ времени стало падать и стало разстраиваться, а разстраиваться оно стало потому, что у французскихъ крестьянъ не было общиннаго землевладѣнія.

Французскіе крестьяне получили свою зажиточность отъ временъ первой французской революціи, когда были уничтожены всѣ подати и повинности, которыя раньше того крестьяне отбывали помѣщикамъ за свои земли. Французскіе помѣщики тогда совсѣмъ проиграли свое дѣло. Они пробовали было вести борьбу противъ революціи и даже призвали во Францію чужеземное войско; но за это многіе изъ нихъ, и въ томъ числѣ король, сложили свои головы, а ихъ земли и помѣстья были отобраны и пущены въ продажу въ пользу государства. Нѣкоторая часть этихъ земель попала тогда и въ руки крестьянъ. Французскіе крестьяне не только получили всю свою надѣльную землю безъ всякаго выкупа, безъ всякихъ платежей и повинностей, но многіе изъ нихъ еще кромѣ того прикупили себѣ земли изъ той, которая была отобрана у помѣщиковъ и распродавалась по дешевой цѣнѣ. Изъ

бывшихъ крѣпостныхъ, обремененныхъ повинностями, разоренныхъ и голодавшихъ, французскіе крестьяне вдругъ обратились въ собственниковъ съ свободной отъ всякихъ платежей и очень плодородной землей. Вотъ тогда они и перестали думать о какихъ-бы то ни было перемѣнахъ, противились всѣмъ усиліямъ городскихъ рабочихъ и защищали самыя вредныя правительства: намъ, молъ, самимъ хорошо, а до другихъ намъ нѣтъ дѣла.

Но это ихъ крестьянское благополучіе продолжалось не особенно долго. Общиннаго землевладѣнія у нихъ не было, а частная собственность, хоть и считается вѣчной, но удержать ее въ рукахъ очень трудно. Въ этомъ заключается главная бѣда частной собственности. Она никогда не остается въ одномъ положеніи: она то покупается, то продается, то переходитъ по наслѣдству, то отбирается за долги. Возьмите вы сто человѣкъ и дайте каждому изъ нихъ по равному количеству земли, а потомъ укрѣпите эту землю въ собственность — и вотъ окажется, что ни въ какомъ случаѣ нельзя будетъ сохранить между ними земельное равенство. У кого много дѣтей, у того земля будетъ разбиваться на мелкіе участки; у кого мало дѣтей — земля, напротивъ того, будетъ скопляться. Случится съ кѣмъ несчастіе — пожаръ или падежъ скота — и вотъ онъ долженъ будетъ продать или заложить часть своей земли. И такъ пойдетъ без-

прерывно: у однихъ земли будетъ прибывать, у другихъ убывать. И этому ничѣмъ нельзя помочь. Гдѣ господствуетъ частная собственность на землю, тамъ всегда будетъ неравенство въ земельномъ владѣнiи.

То же самое случилось и съ французскими крестьянами; многiе изъ нихъ съ теченiемъ времени потеряли большую часть своей земли. Теперь отъ ихъ прежняго крестьянскаго благополучiя не осталось и слѣда. Теперь во французскихъ деревняхъ накопилось множество малоземельныхъ бѣдняковъ, которые живутъ на самыхъ мелкихъ участкахъ въ два, въ одну и даже въ полъ-десятины земли. Такихъ малоземельныхъ крестьянъ насчитывается теперь во Францiи болѣе 18 миллiоновъ изъ всего двадцати-четырехъ миллiоннаго крестьянскаго населенiя; да кромѣ того насчитывается еще около двухъ миллiоновъ батраковъ, совсѣмъ не имѣющихъ земли и живущихъ наемной работой. Три четверти всей французской земли скопилось въ рукахъ крупныхъ хозяевъ и только одна четверть раздробилась на множество мелкихъ участковъ, на которыхъ и мыкаютъ теперь свое горе мелкiе французскiе собственники. Они уже перестали гордиться своей собственностью; кончилась теперь также и ихъ защита старыхъ порядковъ. Теперь они уже очень охотно прислушиваются къ тому, что говорятъ соцiалисты объ общественномъ владѣнiи землей, о томъ,

что земля не должна быть захвачена въ частныя руки, а должна составлять общее народное достоянiе. Но долгая привычка къ частному землевладѣнiю все таки и теперь еще мѣшаетъ имъ усвоить себѣ такое понятiе о землѣ. Имъ трудно представить, какъ это можетъ быть, чтобы каждый клочекъ земли не имѣлъ своего полнаго хозяина и собственника.

Вотъ на эту именно привычку къ частной собственности и разсчитываетъ теперь наше царское правительство. Выдѣлятся крестьяне изъ общины, сядутъ на отруба и будутъ мало по малу привыкать къ новымъ порядкамъ землевладѣнiя. Тогда измѣнятся самыя ихъ понятiя о землѣ; они забудутъ о своихъ старыхъ общинныхъ порядкахъ и уже не станутъ больше требовать отобранiя земель у помѣщиковъ. Тогда они, напротивъ того, будутъ сами защищать право частной собственности, какъ защищали его французскiе крестьяне — ибо сами будутъ пользоваться этимъ правомъ. Съ такими надеждами писало царское правительство законъ 9-го ноября, и съ такими же надеждами утверждали этотъ законъ помѣщики, сидящiе въ третьей думѣ.

Но нетрудно однако видѣть, что между бывшими французскими крестьянами и нашими будущими частными собственниками разница очень немалая. Французскiе крестьяне защищали свою земельную собственность, потому что они были

зажиточны и всѣмъ довольны. Мы видѣли, что послѣ революціи они получили свою землю безъ всякихъ платежей и безъ всякаго выкупа; они сразу стали свободными и зажиточными крестьянами. Совсѣмъ другое дѣло у насъ. Наши крестьяне не только не разбогатѣли послѣ освобожденія 1861 года, но, напротивъ того, разорились въ конецъ отъ выкупныхъ платежей и отъ земельныхъ отрѣзковъ. Теперь въ нашихъ деревняхъ царитъ повсемѣстная бѣдность. Въ такой-же бѣдности останутся и выдѣлившіеся крестьяне на своихъ земельныхъ участкахъ, укрѣпленныхъ въ собственность. Отъ того, что они выдѣлились, земли у нихъ не прибавится. Кто возьметъ землю черезъ крестьянскій банкъ, тотъ окажется въ долгу передъ банкомъ, отъ котораго трудно будетъ избавиться. Крестьянскій банкъ требуетъ большихъ процентовъ и требуетъ платежей въ срокъ. Кто не можетъ платить, того сгоняютъ съ купленнаго мѣста прочь. За два года новаго земельнаго устройства, за 1907-й и 1908-й, было прогнано такимъ порядкомъ около 50 тысячъ дворовъ. Будутъ-ли крестьяне сидѣть въ общинахъ или на отрубахъ, имъ все равно придется арендовать землю у помѣщиковъ или платить вѣчный оброкъ крестьянскому банку. Собственникъ земли не тотъ, кто ее обрабатываетъ, а тотъ, кто получаетъ за нее деньги. Какъ до сихъ поръ наши крестьяне работали не на себя, а на господъ и на прави-

тельство, такъ будетъ то же самое и впредь. Къ такой собственности трудно привязаться душой. На такихъ собственниковъ нельзя надѣяться, чтобы они отказались отъ мысли о помѣщичьихъ земляхъ. Вотъ почему царскому правительству нельзя будетъ достигнуть своей цѣли; ему не удастся обратить голодныхъ и разоренныхъ крестьянъ въ свою помѣщичью вѣру; въ обездоленной крестьянской массѣ оно никогда не увидитъ защитника и охранителя помѣщичьей собственности.

Но у царскаго правительства есть еще и другой разсчетъ. Оно стремится не только разрушить общинное землевладѣніе, но и создать въ деревняхъ кулацкое царство. «Мы пишемъ законъ 9-го ноября не для слабыхъ и пьяныхъ, а для крѣпкихъ и сильныхъ» — говорилъ въ думѣ министръ Столыпинъ. Пускай крѣпкіе и сильные наживаются насчетъ слабыхъ. Богатые крестьяне—тѣ же помѣщики. Чѣмъ больше будетъ богатыхъ крестьянъ въ деревняхъ, тѣмъ больше будетъ защиты помѣщикамъ и всѣмъ нынѣшнимъ государственнымъ порядкамъ. Такъ это было во Франціи, когда тамъ было много зажиточныхъ крестьянъ, которые шли наперекоръ всему городскому рабочему движенію. Вотъ почему царское правительство сознательно и хладнокровно отдаетъ теперь крестьянскую бѣдноту въ жертву. Пускай кулаки рвутъ у бѣдняковъ послѣдніе куски, пускай они скупаютъ укрѣп-

ленные надѣлы и пускаютъ по міру сотни тысячъ крестьянскихъ семей. Царское правительство видитъ все это своими собственными глазами и только радуется, смотря на крестьянское горе и слезы. Оно надѣется, что на этомъ горѣ и на этихъ слезахъ выростетъ крѣпкое кулацкое царство, образуется тѣсно сплоченная армія деревенскихъ кулаковъ, которая будетъ служить ему лучшей опорой. Оно хотѣло-бы разбить деревню на двѣ половины, изъ которыхъ на одной сторонѣ будетъ достаточное число разбогатѣвшихъ крестьянъ, нажившихся на счетъ разоренной бѣдноты, а на другой сторонѣ — деревенская голытьба, на которую уже никто не будетъ обращать никакого вниманія.

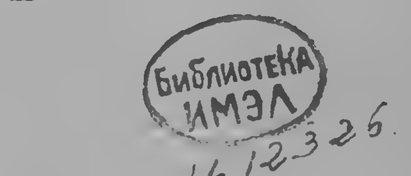
Но только правиленъ-ли этотъ разсчетъ? Вѣдь само правительство уничтожаетъ одной рукой то, чего другой рукой хочетъ достигнуть. Сильное и крѣпкое крестьянство можетъ выросги на почвѣ общаго деревенскаго благосостоянія, какъ мы видѣли это, напримѣръ, во Франціи. На тощей почвѣ крестьянскаго разоренія могутъ вырости только крестьянскіе міроѣды по одному или по два человѣка на сотню разоренныхъ крестьянъ. И чѣмъ больше будетъ способствовать правительство грабежу этихъ крестьянскихъ міроѣдовъ, тѣмъ больше будетъ рости въ деревняхъ масса разореннаго крестьянства. Мы уже видѣли такую политику послѣ освобожденія кре-

стьянъ. Въ теченіе почти полувѣка трудовое крестьянство было отдано на растерзаніе помѣщикамъ и кулакамъ. И мы знаемъ также, что вышло изъ этой политики: бывшіе прежде зажиточные крестьяне обратились въ середняковъ, а потомъ и эти средняки перешли на положеніе бѣдняковъ. Получилось всеобщее крестьянское разореніе, всеобщая крестьянская бѣдность. И вотъ теперь правительство дѣлаетъ послѣдній шагъ: оно разрѣшило свободную скупку надѣловъ, оно дало возможность лишить крестьянина его послѣдняго прибѣжища. Изъ газетъ мы знаемъ, въ чьи руки поступаютъ теперь скупленные надѣлы; изъ всѣхъ губерній получаются одни и тѣ-же извѣстія: скупщиками является никто другой, какъ тѣ-же бывшіе кулаки. Но трудовое крестьянство никогда не подчинится постыдному игу этихъ грабителей. Оно будетъ вести съ ними безпощадную борьбу какъ оно ведетъ ее теперь съ помѣщиками. Законъ 9-го ноября можетъ внести еще большее разореніе въ трудовое крестьянство, можетъ внести еще большее озлобленіе и ожесточеніе, но онъ никогда не достигнетъ тѣхъ цѣлей, какія поставило себѣ царское правительство.

Цѣлей этихъ царское правительство не достигнетъ, но всетаки оно можетъ надѣлать много зла въ деревнѣ, можетъ внести много смуты и раздоровъ въ крестьянскую жизнь. Крестьяне

окружены со всѣхъ сторонъ злыми и жестокими врагами. Они должны собрать всѣ свои силы, чтобы отстоять свое крестьянское дѣло. Первый вопросъ для нихъ, это — земельное владѣніе. При частной собственности на землю они никогда не избавятся отъ своей бѣды. Только переходъ всѣхъ земель въ общее народное достояніе открываетъ для нихъ просторъ и свободу. Вотъ почему они не должны дѣлаться частными собственниками, а должны всѣми мѣрами охранять свое общинное землевладѣніе. Всякій добровольный выдѣленецъ изъ общины — то же, что перебѣжчикъ въ непріятельскій лагерь. Враги радуются тогда и торжествуютъ; они хвастаютъ тѣмъ, что ихъ дѣло подвигается впередъ, а силы крестьянскія убавляются.

Л. Шишко.

Просимъ перепечатывать и распространять.

